

КАТЯ ПОБЕДА

Мистер Вайт

18+

Мистер Вайт

Катя Победа

<https://litres.ru/74100786>

SelfPub; 2026

Аннотация

Может ли девушка по-настоящему влюбиться в своего домашнего кота как в мужчину?

Может, если он настоящий дьявол.

Однажды в 2026 году всемогущий дьявол решил пойти в отпуск. Используя надёжную маскировку, в образе кота он появляется в Москве на Тверском бульваре. Совершенно случайно там он встречает девушку 34 лет по имени Катя Победа и объявляет её своей.

Катя успешна, самостоятельна, красива и одинока. Возвращаясь с работы, она замечает чёрного кота на бульваре и решает принести его домой в качестве питомца и милого друга. В скором времени она узнаёт, что её кот читает книги, сочиняет стихи и разговаривает по-русски.

У Кати есть в жизни всё, кроме любви. Дьявол обещает ей, что с его помощью она влюбится в мужчину за 4 дня.

Они заключают сделку, и начинается их история — единственная и неповторимая, полная юмора, сатиры и роковой любви.

Что он с ней сделает?

Что она сделает с ним?

Приятного чтения

Мистер Вайт

Катя Победа

Пролог.

“Я так хочу, чтоб вы меня искали. И так хочу, чтоб никогда не нашли”.

Мистер Вайт

Прошу простить, в данный момент я не в лучшей форме. Мысли прыгают. Никогда. Никогда ещё в своей жизни я не испытывал такой тяжести на душе, как сегодня.

Несмотря на то что в данный момент воспоминания давят на моё сердце сотней тонн, я люблю своё одиночество. Люблю свою радость и печаль. Я люблю свою улыбку и свои слёзы, люблю свои достоинства и недостатки. Недостатки? Что я несу? Мысли заплетаются. Я давно уже пришёл к очевидному выводу: мои недостатки — это тоже достоинства.

Ностальгия. Вот от чего мне тяжело. Эта старая дура сейчас пожирает меня, обсасывает каждую косточку и мерзко чавкает от удовольствия.

Люди часто меня обвиняют в безграничной любви к себе. И что с того? Это моё дело — кого любить. Да, я люблю себя, и я честен перед вами. Я честно себя люблю.

Ложь я ненавижу! В этой маленькой, примитивной вселенной нет ничего хуже, чем ложь. Ложь — самое презрен-

ное изобретение человечества. Кстати говоря, Данте совершенно точно это увидел и поместил лжецов и предателей на самый последний, девятый круг ада. Заметь, у Данте самое суровое наказание получают не убийцы и насильники, нет, а лжецы и предатели. Редко я соглашаюсь с людьми, но здесь человек прав совершенно.

Несмотря на то что я люблю себя всей душой и сердцем, рассказывать о себе я не стану. Зачем говорить о себе, если я могу показать себя?

Вообще я очень не люблю делиться мыслями. Мои драгоценные мысли, рождённые воспоминаниями и чувствами, — самое ценное, что у меня есть. Но ностальгия сейчас рвёт меня. Она безжалостно разрывает моё сознание в клочья и не даёт покоя. Поэтому я буду говорить. Мне надо высказаться. Ты не против, если я буду говорить с тобой?

Сейчас я нахожусь...

Нет, я не скажу тебе, где нахожусь. Не скажу тебе, кто я такой и как выгляжу. Я не хочу. Не хочу, чтобы ты нашёл меня, человек. Да и нет у тебя никаких шансов найти меня. Ибо я везде и во всём. Я в душе твоей и в твоём сердце. А душа человеческая настолько глубока, что не родился ещё пловец, способный нырнуть в самую её глубь.

Огонь трещит. В нём я вижу моё прошлое и хочу пережить его снова. Не всё, конечно, а один отрывок.

Мои бесценные, непередаваемые ощущения вызваны воспоминанием об одной истории, в которую совершенно чудесным образом меня угораздило вляпаться. Мурашки по всему телу. Я должен как-то пережить эту бурю. Ты поможешь мне! Беги, бегущий по этим строкам, и прими дар.

А я сделаю исключение из правил, я разрешу своему голосу говорить громко. О, я хочу говорить и, смакуя, пересказывать воспоминания обо всём, что произошло со мной почти год назад. Всё это время я с трепетом хранил тайну — моё самое ценное сокровище из всех, что у меня есть.

О чём моя история? Речь пойдёт о женщине. О женщине, которую я уничтожил. Или спас? Хороший вопрос. У меня нет ответа. Хотя нет, я знаю ответ. Знаю, но не скажу. Ты знаешь, я погубил многих. Или спас? В этой вселенной всё так запутано, что неясно, где что.

Я не спаситель, скажу тебе честно. Я хочу открыть исключительную возможность тебе самому сделать вывод. Узнав мою историю от начала до конца, бегущий по этим строкам сам решит, что я натворил и кто я такой. Выслушав меня до конца, быть может, ты возвеличишь меня как Бога или осудишь как Дьявола. Или — наоборот. Тебе решать. Мне всё равно.

Думаешь, я сумасшедший? Несомненно. И я люблю это своё сумасшествие. Своим серебряным блеском оно озаряет

мой путь и погружает в животворящую негу. Да здравствует оно!

Мною управляет тщеславие? О да. Поверь, если бы не оно, этой истории никогда не случилось бы.

Я всегда справедлив. Никто не верит, но всё же бывают редкие моменты, когда я ругаю себя и корю.

Когда я беру эту вселенную в свою ладонь и раскручиваю её на кончике пальца, как мяч, она не всегда крутится именно так, как я того хочу. Не хватает пока ещё нужного мастерства.

Но давай поскорее вернёмся к женщине. Кто ж не любит время от времени возвращаться к женщине?

Я больше не могу не говорить о ней. Поделюсь с тобой перлом своей жизни. Но учти, человек: подумай, прежде чем читать эту историю. Ибо я честен перед тобой и предупреждаю: ты не сможешь контролировать то, что выйдет из неё.

И ещё. Забегая вперёд, скажу тебе по секрету: я бываю очень-очень разный. Я чертовски стабилен в своей нестабильности. Я — во всём, и всё — во мне. Я — идеальный хаос. Искусный искуситель искушённых.

Твой верный друг и лучший враг, М. В.

Итак, решил я однажды поехать в отпуск к русским...

Глава 1

Синяя кровь

“Ничем, помимо правды, я не соблазняю”.
Иоганн Гёте. Фауст.

Я прибыл! С чего бы начать? Думаю, будет правильно хорошенько осмотреться. Где я? Так-так... Москва, вокзал, грусть. Дислокация понятна.

Смотрю по сторонам. Местечко, конечно, так себе — не эрмитажно. Хотя тоже старья полно: стены старые, люди в основном тоже. По крайней мере, выглядят они старыми. Возникает ощущение, будто все поезда с вокзала едут в дом престарелых. Да, распад частиц на лицах ярко выражен. Что тут скажешь — энтропия. Не эрмитажно...

А народу-то сколько! Все снуют туда-сюда, туда-сюда. Картина маслом под названием «Постапокалиптическая эвакуация». Народу полно, а людей не вижу. Надо срочно бе-

жать из этой психушки.

Куда же податься пилигриму? Может, в центр? Там слишком тесно и шумно — дышать нечем. Тогда на окраину? Там слишком скучно и бедно — смотреть не на что.

— Эй, человек! Человек! Куда податься туристу, не подскажешь места?

Ясно. Не подскажет. Он и не слышит меня. Не слышит ни меня, ни жизни. Он весь в телефоне. Эти, как их там, телефонные зомби — плоды научного прорыва.

Вот человек маленький, бежит прямо на меня. Девочка, рост — сантиметров семьдесят, на голове — два больших белых банта в косичках. Красные туфельки на ногах с белыми звёздочками. Симпатичный маленький человек в розовом платье, с чистым, не потрепанным рутинной жизнью лицом. В руке этого прелестного человечка — розовый воздушный шарик. И она машет им на бегу, как советский солдат красным флагом над Рейхстагом.

Я в этот момент стою задумчиво, умиротворённо на краю тротуара, никого не трогаю. Как увидел маленького человека, бегущего на меня, из опыта сразу понял: сейчас начнётся. Предвосхищённое мною «сейчас начнётся» началось.

Семидесятисантиметровый человек с белыми бантами в косичках энергично подбегает ко мне, будто мы не виделись с ней лет двадцать. Подбежав вплотную, она вытягивает руку с воздушным шариком и почти касается моего лица. Я, разумеется, понимаю дальнейший ход её действий. Жду.

Секунд на двадцать девочка притихла, а затем начала водить шариком в руке из стороны в сторону — то вправо, то влево. Не двигаюсь. Думаю: «Молодец, смышлёная». А её рука продолжает, как маятник: вправо-влево, вправо-влево. Делает она это, надо сказать, с серьёзным видом, старательно, и в предвкушении ждёт моей реакции — чтобы я водил глазами за шариком туда-сюда, вправо-влево.

А я сижу как вкопанный, замер, как памятник. Даже не моргаю. Смотрю, не отрываясь, прямо куда-то вдаль, будто передо мной открылся бесконечный простор океана. А девочка упорно продолжает водить шариком из стороны в сторону прямо перед моим лицом и терпеливо ждёт своего восторга.

А мне-то какой толк за этим надувным шариком наблюдать? Разве что подыграть ей, поводить глазами — пусть повизжит от восторга. Детский смех — штука волшебная, нектар для моего тончайшего, музыкального слуха.

В этот самый момент неожиданно подул лёгкий прохладный ветерок с востока, овевая маленького человека и устремляясь прямо на меня. Вдыхаю прохладный поток. Нежный порыв ветра подхватил аромат девочки и принёс его прямо мне в нос. Блаженство. Думаю: «Да, вот это чистота, волшебная... Ничего лишнего. Никакого распада частиц. Чистейшая первородная энергия».

Мой мозг различает и запоминает запахи лучше всего остального. Это чувство у меня прокачано до бесконечности — впрочем, как и остальные. Услышав тот или иной запах, мой мозг навсегда сохранит его в памяти вместе со всеми деталями обстоятельств того мгновения.

Наслаждаясь запахом маленького человека, я аж прищурил глаза и машинально потянулся носом к девочке. Глаза опьянели, ноздри расширились до максимума — я прекрасен. Эйфория. Так бы жил всю жизнь в этом мгновении.

Совершенно неожиданно моё счастье прерывает крик женского рода:

— Даша! Я кому говорила: не отходи от меня далеко — потеряешься

Мое эстетическое чувство улетучилось в миг. А в метре

от источника крика, глубоко о чем-то думая и непринужденно рассматривая свои туфли, стоял мужчина в кепке с чемоданом в правой руке. После пронзительного «Даша!», живой человек с чемоданом шарахнулся в спасительном рывке в сторону, как жертва в последний момент, заметившая яркие фары, на всех парах летящего на нее скоростного поезда. «Бедный мужик с чемоданом», — подумал я. Трудно представить его шоковое состояние, ибо даже я находившийся метрах в пятнадцати от эпицентра, вздрогнул.

Думаю, где ж твои манеры,? Где осознанность? Тактичность? Ты же так ни в чем невиновных людей контузишь. Владельцем, пронзившего мои чуткие уши голоса, была женщина лет пятидесяти пяти. А на вид ей лет триста.

Подбегает, значит, она к девочке с шариком, берет ее за ручку и уже более спокойным но строгим тоном говорит: «Пойдем, Дашуль. Пойдем, пойдем, не подходи к нему так близко, видишь грязный какой. Бродяга».

Это она обо мне. Я ей про себя: «Да какой же я грязный, мамаша. Может, я и бродяга, но моюсь как следует раз по десять на день. Чистота у меня в генах. Может, у меня нет денег, говорю, еды или пенсии, как у тебя, но чистый я всегда. Всегда!»

А старуха всё не понимает: «Не трогай, — говорит, — его. Больной, наверное».

«В смысле — больной? — говорю опять про себя ей. — Это уж слишком, бабуля, оскорблять меня так. На себя бы посмотрела. Кто ещё из нас больной».

Ах, ладно. Не стал ей ничего возражать, не хочу унижаться. Всё равно не поймёт.

Бабушка уводит покорную внучку с шариком. А я смотрю им вслед — меня переполняет возмущение. Думаю: «Да что ж ты её, как на поводке, дышать не даёшь полной грудью? Дай жить маленькому человеку свободно! Ещё и орёшь на всю площадь — воспитатель тоже мне! Не трогай, — говорю про себя ей, — самокатящееся колесо это. Не мешай ребёнку рассекать своей нескончаемой энергией вселенную! Да не делай из неё покорного раба общества, себе подобного! Кончики моих идеальных ушей возмущены этой сценой до предела, и рот не может молчать!»

Люди полагают, что седина на висках и сморщенная кожа на шее дают им полное право расставлять приоритеты в жизни молодого поколения. Расплескавшие за многие годы свою энергию впустую, так и норовят всеми силами обуздать и подчинить молодую, чистую энергию тех, кто только начинает жить.

Зачем? В этом их главная отрада и финальное утешение: управлять и любоваться своей копией как неотделимой частью своей личности, той частью, чьи победы ещё впереди. Страстная, а порой и фанатичная надежда, что человек, рождённый ими, их копия, достигнет и добьётся того, чего они сами неустанно желали, но не могли добиться.

Новому поколению навязывают догму: «Тот, кому я дал жизнь, обязан считать правильным то, что считаю правильным я. Он должен верить в то, во что верю я». «Ты должен мне, — говорит взрослый молодому. — Я родил и вырастил тебя — и сделаю всё, чтобы ты отдал мне этот долг».

Долг — это двустороннее соглашение, образованное по доброй воле обеих сторон. По доброй воле! И никакой моральный закон не имеет в этом добровольном соглашении веса. Иначе долг становится навязанным фактом. Если навязано, значит, это насилие. Насилие аморально в принципе.

Воспитывая своих должников, родитель становится узурпатором. Человек по факту своего рождения автоматически и против воли становится, по сути, собственностью родителя. Негласный закон родителя гласит: «Всё, что я породил, принадлежит мне, и что считаю нужным, то и леплю из этого. Жизнь его, но правила мои» — вот главная установка родителя. Но однажды наступает важнейший момент в жизни

молодого человека: начинает развиваться самосознание, и он объявляет бунт родителю-узурпатору. При первых симптомах самосознания молодые ещё не осознают, но уже чувствуют, что у них есть «Я». И это самое «Я» объявляет бунт навязанной своим родителем парадигме и всем тем, кто её навязал.

Отчаянный мятеж всем, кто надел кандалы на молодое «Я» и заточил его в темницу. Бунт узурпатору, который, пользуясь ядовитым родительским правом собственности, лишил молодое «Я» свободы собственного выбора. Война отцов и детей объявлена. Борьба молодого «Я» идёт не за власть над другим, а за свободу от другого.

Ой, ну как же они тут шумят всё-таки! Шум отовсюду. Улей. Жужжат, не покладая рук. На чём остановилась моя мысль? Вроде даже что-то умное удалось сказать. Эх, улете-ла. Эту искрящуюся мысль уже не поймать. Баста. Её величественный полёт окончен. Да и чёрт с ней — не на кафедре же философской стою, а на вокзале.

Вообще, я себя странно сейчас ощущаю. Как люди говорят, сам не свой. Какое глупое и нелепое тело я выбрал для отпуска. В этом нелепом теле мне хочется смеяться над всем и всеми.

Ладно, привыкну.

Так, ну что же делать? Самое верное решение — это взять прямо сейчас и побережь свою хрустальную психику. Точно! Надо убираться отсюда, с этой ветхой, суетливой и, должен отметить, грустной вокзальной площади. Уж слишком здесь страдают мои эстетические чувства. Натура у меня всё-таки тонкая, аристократическая.

Так — в центр или от центра? Что подсказывает моё безошибочное чутьё?

В центр! Кажется, это недалеко. Хочу на людей посмотреть, вдруг человека увижу. Огородами и живописными тропами не пройти. Всё поносили варвары. Пойду тротуарчиками — красиво.

Дефилирую вальяжно по тротуару, а мимо зомби телефонные снуют. Как на автопилоте. Кажется, их телефоны невидимой нитью связаны с точкой прибытия. Вот они и держат мобильник перед собой, впиваясь глазами в маленький экран, и не замечают никакой жизни вокруг. Если вдруг на их пути неожиданно образуется обрыв, туда они все и попадают вместе с телефонами. Эх, щас бы применить сверхсилу адскую, чтобы такой обрыв соорудить. Расколоть тротуарчик на две части, чтоб эти зомби туда все плюхнулись. Потом сразу — хлоп — и закрыл пропасть, восстановил тротуар. А

эти с телефонами — все там, внизу, под землёй, без вай-фая. Пусть хоть немного поговорят друг с другом, пообщаются — жизнь вспомнят.

Лавируя между прохожими, думаю: хорошо, что телефона у меня нет. А то жил бы, как они, на автопилоте, не вылезая из нереальности. Зачем мне телефон? Кому звонить? Звонить я никому не желаю. Не хочу кого-то лишний раз беспокоить, отвлекать от жизни. Да и звонить мне некому. Как же хорошо, что мне некому звонить.

Странное существо — человек! Ничего не может в меру. Изобрели ему, значит, еду, так он либо худой, как гвоздь, потому что ест совсем мало, либо слишком много ест и не может без тяжёлого вздоха, стоя, носки надеть. Человек сам себя одеть не может без страданий? Какой ужас!

Изобрели, значит, они этот телефон с экраном. Ну пользуйся в меру, с умом: включи его, реши вопрос, выключи. Нет! Мало! Ещё надо и побольше. Побольше! Чтоб жить прямо в телефоне, утонуть в нём и умереть в нём же. Похоже, последнее действие, которое они совершают перед уходом на тот свет, — лайк кому-то поставят или выложат пост. Когда хоронят человека, в гроб кладут самую ценную его реликвию. Так вот этих зомби с телефоном хоронить будут. Вдруг там вай-фай бесплатный.

Нет, в меру люди жить не умеют. Человеку по какой-то сверхъестественной причине всегда мало. А когда у него чего-то много, то всё равно не хватает. Алчность. Обожаю это истинное человеческое свойство. Если бы человек мог, он сожрал бы целую вселенную, в которой сам живёт, и этим обжорством закончил бы, сам того не желая, историю всего.

Да, кстати, есть охота. Я же почти сутки без еды. Поезда эти... Кто их придумал? Пусть застрелится. Поезд — это идеальная машина пыток, за которые люди готовы платить. Миллионами колесят по планете. М-да... Электрический стул и то гуманнее.

Ну и голод. Прямо ощущаю, как на ходу хую. Органы пищеварения не понимают, как им жить со мной дальше.

Мороженого бы сейчас. Моя слабость. Что? Да, вот нашла у меня слабость. У меня и вторая слабость есть. Где-то валяется. Буду, как всегда, честен перед тобой — я не идеален. Нет никаких сомнений, что слабость — это порок, а порок, мягко говоря, это плохо. Но от этой своей сладкой и холодной слабости в вафельном стаканчике я ни за что не откажусь. Вафельный стаканчик, до краёв наполненный сладкими холодными сливками с шоколадом. Эх, есть всё-таки изобретения, за что стоит уважать человечество.

Калории заканчиваются в панике. Сейчас попробую разыскать что-нибудь вкусенькое. Хотя бы капельку мороженого. Денег у меня нет. Хотя бы разок лизнуть холодные, сладкие сливки — и можно бороздить дальше это постапокалиптическое пространство современной урбанизации.

Кстати, вижу сквер какой-то. Лавочки, утки плавают, люди гуляют расслабленные. Лето. На девчонках одежды немного — приятно глазам моим. Пожалуй, приземлюсь на этом бульварчике. От всей души предамся гедонизму, созерцая красивые женские тела. Да, если бы не женщины, делать на этой планете мне было бы совершенно нечего. Что вообще с этой планетой стало бы, не будь на ней женщин? Да чёрт с ней, с этой планетой, — со мной что стало бы? Мне же смотреть совсем не на что будет! Мои зелено-голубые и, как говорят, манящие глаза остались бы без поля деятельности и напрочь потеряли бы свою актуальность.

Океан, говорят, там, в глазах моих. Бездна. Что с этим океаном стало бы, не будь женщин? Ведь глаза мне на что? Чтобы видеть. А видеть что? Правильно — красоту!

Мороженое. Они и глазом моргнуть не успеют, как я своё мороженое языком трогаю. Вот так! Короче, мне надо срочно поддаться искушению. Говорил же — слабость. Но так

как натура у меня чрезвычайно скромная, говорить о своих слабостях я больше не буду.

Вот я уже, кстати, в самом центре бульвара. Обожаю быть в центре. Вижу вон девчонки на лавочке сидят и, судя по выражению их молодых лиц, о парнях беседуют. А там, чуть правее, трое парней стоят, общаются и, судя по выражению их глаз и жестам, беседуют они, как они сами их с особой нежностью называют, о телочках. Девчонки говорят о парнях, а парни — о телочках: золотой стандарт мысли человеческой.

А вот левее вижу двух мужчин постарше, в деловых костюмах и с напряжёнными лицами. Ясное дело — эти говорят о деньгах и о плохом начальстве. Эх, банальщина сплошная. А так хочется красивую мысль услышать. Людей сейчас на этом модном бульваре я вижу много, но описывать их нет никакого смысла, ибо все они мысленно заняты только двумя вещами: жалуются и вождедеют.

О! Есть сигнал. Я вижу. Вижу мороженое в женской руке. Да, пломбирчик что надо. Женщина средних лет сидит одиноко на лавочке. Выглядит она деликатно, в очках. В правой руке у неё мороженое, а в левой — книга. Что же мне делать? Судя по её увлечённости чтением и деловому виду, мои эстетические чувства и голод никак её не волнуют. Навязчиво

клянчить мороженое я не стану — не в моих это традициях. Взять и наброситься с открытым настежь ртом на пломбир будет неэтично, не к моему лицу, так сказать. Интересно, а что она так увлекательно читает? Что за автор в её руке? Анализирую.

Судя по её широким и чёрным искусственным бровям, в руках у этой дамы не Толстой, а судя по её гиалуроновым, бездарно накачанным губам, варварски обсасывающим вафельный стаканчик, — не Гёте. Понятно — детективная бульварщина. Уверен, если бы у этого бездушного вафельного стаканчика был рот, он бы сейчас захохотал во весь голос от щекотки и, переполненный счастьем, умер. Интересно побывать в его шкуре. Честно признаюсь, я обожаю наблюдать, как женщины поедают мороженое. Это так эпично. Прелесть!

О, я вижу ещё мороженое! Клянусь честью, это пассажир что надо. Человек сантиметров шестидесяти высотой прогуливается с мамой за ручку по бульвару. А в его маленькой руке — моё мороженое. Чтобы заполучить этот драгоценный приз, мне придётся войти в роль. Я, конечно, не актёр, но сыграть могу не хуже. Придётся проявить всё своё знаменитое обаяние.

План такой: мне нужно медленно и изящно, как я это

умею, подойти к ним поближе и дать ребёнку, этому моему маленькому спасителю, заметить меня. Тогда своей отвлечённостью на мою незаурядность малыш обратит внимание его любящей мамы. А там уже эти мои зелено-голубые, океанические глаза, излучающие искреннее страдание и доброту души, сделают своё профессиональное дело. Метод проверенный, отработанный до идеала.

Целое мороженое ребёнок, естественно, мне не отдаст. Здесь никакие глаза не помогут. Умирать буду — не отдаст. Но вот немножечко, самую малость, чтобы мне хоть на пару раз языком его хватило, мама разрешит. Ведь это будет добрый, человеческий поступок. Такие бескорыстные поступки согревают и делают приятно на душе человека, который их совершает.

Хотя, если внимательно вдуматься, можно легко прийти к выводу, что бескорыстных поступков не бывает в природе. Уж точно не в этой вселенной. Ведь корысть — это что? Это личная выгода и ожидание её от совершённых действий.

Представим: человек проходит мимо нищего попрошайки и бросает в его грязную шляпу монетку. Это бескорыстный поступок? О нет! Да, наш прохожий в данном случае ничего не ожидает от нищего взамен этой монетки, но, совершив этот поступок, он уже получил свою личную выгоду

или очень-очень надеется, что это доброе дело ему окупится в этом мире или в ином. К тому же человеку стало теплее на душе, и он сам себя хотя бы в глубине сознания посчитал хорошим человеком. Ибо только хорошие люди помогают другим. Короче говоря, бросив монетку нищему, человек в первую очередь сделал приятно себе, а на нищего ему на самом деле плевать, так как уже через пять минут попрошайка со своей проблемой совершенно улетучился из головы прохожего. Кстати, эта искра самоудовлетворения обошлась нашему пешеходу совсем дёшево. Это, так сказать, самый экономически выгодный способ порадовать самого себя.

Или вот ещё пример. Один человек поздравляет другого тёплыми, приторными словами. Просто с головы до ног, как из ведра, обливает его лестью и дарит, как правило, дешёвый, бестолковый подарок. Это тоже бескорыстно? Ни в каком случае.

Да, в данном случае человек — например, друг, родственник или просто завистник — отдаёт, дарит подарок, не спрашивая ничего взамен. А что насчёт его ожиданий и надежд? Не будет ли человек, подаривший подарок, ожидать и надеяться на такой же поступок со стороны другого по отношению к себе любимому? «Добро возвращается», — утверждает человек. «Добро должно возвращаться. Вдвойне».

Поэтому любой добрый, казалось бы, бескорыстный по-

ступок человек совершает в первую очередь ради себя самого, а во вторую — ради всех остальных. Как минимум хотя бы потому, что дарить подарки и льстить — это чертовски приятно. Не так ли? И очень выгодно!

Кстати, это абсолютно естественно. Корысть и тот самый, ненавистный обществом и мною обожаемый эгоизм, — это два лучших инструмента выживания. Без них человечество не протянуло бы и пары веков.

Да ну их к чёрту, эту вашу корысть и эгоизм! Я иду в атаку! Вижу мороженое, и никакая сила в этой вселенной не способна сейчас меня остановить. Умру, но я его съем!

Вот я уже, как и обещал, изящно поравнялся на бульваре с прогуливающимся ребёнком и его мамой. Абсолютно непринуждённо даю им понять, что я в этом мире есть. Они, в свою очередь, осознают этот факт и, одарив меня добрыми улыбками, продолжают не спеша шагать по бульвару. В их компании я грациозно двигаюсь рядом.

Таким образом, втроем мы прогуливались минут пять. За это время маленький человек половину моего мороженого слопал. И, судя по тому, как малыш небрежно держит в руке пломбир и отвлекается то на меня, шагающего рядом, то на прохожих, я понимаю, что ребёнок наелся. Это не может

меня не радовать.

Хорошо, что всё это время мы медленно шагаем, неторопливо, наслаждаясь приятным летним днём. А то я чувствую, как двигаюсь уже из последних калорий и долго поддерживать свою статную осанку и достойный вид не смогу. Верю, надеюсь и жду, чтобы мама в ближайшие минуты устала и решила передохнуть. Я настолько уже проголодался, что даже смотреть на женщин сил нет.

Вообще, голод — интересная штука. По себе знаю: когда голодный, красивая половина человечества теряет в моих глазах всю свою привлекательность. Напрочь пропадает избирательность в этом вопросе.

Я вижу: малыш съел уже больше половины моего мороженого. Сладкие, холодные сливки — на его одежде, на руках и вокруг рта. Мне пора действовать. Идти, так сказать, на абордаж.

Как раз в этот самый момент мама наконец решила передохнуть и присела с малышом на лавочку. Преград для меня уже никаких нет. Вижу мороженое. Я — машина! Лёгким, грациозным рывком, потратив предпоследнюю калорию, я оказываюсь на лавочке рядом с малышом. Присаживаюсь и непринуждённо смотрю по сторонам, как бы наслаждаясь

этим прекрасным вечером.

Рука ребёнка, в которой он держит остатки растаявшего пломбира, — в тридцати сантиметрах от меня. Пока я с ними прогуливался, мама с малышом ко мне привыкли и понимают, что опасности я не представляю и пришёл с миром. О, как же этот запах ванили ласкает мои аристократические ноздри! Слюноотделение — на полную катушку. Левым глазом я сверлю пломбир в руке малыша и искренне страдаю.

Я, конечно, мог бы в одно мгновение выхватить мороженое из руки милого ребёнка и без помех скрыться с добычей. Но подобное поведение недостойно моих голубых кровей, и я смиренно продлеваю свои мучения. Жду.

Наконец внимательная мама замечает искреннее страдание в моих глазах, сверлящих пломбир её малыша, и говорит: «Вань, глянь, как он смотрит на твоё мороженое. Может, поделишься?»

После слов мамы этот добрейший, мой самый любимый в данный момент человек на свете, протягивает остатки моего мороженого. Моему счастью не было предела. Достоевское сострадание всё-таки существует! Ура! Моя прелесть у меня!

Схватив остатки пломбира из руки малыша, я, разумеется, мгновенно распрощался с этими добрыми людьми и скрылся из виду. Спустя уже пару минут я с величайшим наслаждением съел вкуснятину в тени деревьев и стал крайне доволен и счастлив.

Океанические глаза засверкали, девушки на бульваре мгновенно похорошели и примагнитили всё моё внимание к своей красоте.

Созерцая женскую красоту, должен признаться, я доставляю самому себе наивысшее счастье и отраду. С головой погружаюсь в сладчайшую негу. Наполняюсь непримиримой силой и отвагой. В такие мгновения я, честно признаюсь, переполнен стремлением чувствовать и жить, и все мои достоинства, которых не счесть, включаются на полную катушку. А именно: я становлюсь чертовски искусен в ораторском мастерстве, философически безупречен, остроумен и необычайно харизматичен. Перед столь, как я это называю, обаятельной мощью никто не устоит.

В общем, в этом своём обычном состоянии я возвращаюсь на бульвар.

Справа от меня небольшой пруд с утками, а прямо по курсу — памятник человеку. Люди любят ставить себе памятни-

ки. Интересно, кому поставлен этот? И почему вокруг него столько народу? Ах да, люди же любят назначать встречи и свидания рядом с мертвецом. Тот единственный случай, когда третий не будет лишним.

Подхожу я к бронзовой фигуре, читаю на постаменте:

«И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что в мой жестокий век восславил я свободу

И милость к падшим призывал».

Глазам своим не верю.

Александр Сергеевич, и Вы здесь? Вот так встреча! Я Ваш тайный поклонник. Я же все Ваши стихи наизусть знаю. Сейчас вспомню, как же там у Вас было...

«Я помню чудные мгновенья...» Нет, не то.

Вот это:

«Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей».

Александр Сергеевич, дорогой мой, как же глубоко это сказано! Как точно Вы смогли это подметить!

А вот ещё — моё самое любимое:

«Все мы глядим в Наполеоны, двуногих тварей миллионы».

О, как это красиво! Как Вы это так складно и умно сумели сказать? Восхищаюсь Вашим талантом и мудростью! Как это у Вас так гениально получилось?

Не знаете?

Я тоже не могу раскусить эту Вашу гениальность. А люди Вас гением нарекли.

Гением — нескромно?

Согласен с Вами. Но зато справедливо.

Тоже согласны с этим?

Эх, Александр Сергеевич, как же я сейчас переполнен восторгом от встречи с Вами! Как же я рад Вас видеть! Зря Вы, Александр Сергеевич, тогда, в январе тридцать седьмого, шпагу подняли. Мне так жаль.

Что? А, пистолет у вас был?

Всё равно зря. Стрелок, дорогой мой, из Вас никудышный. Или Дантес стрелял слишком метко.

Ах, подлец он был?

Ну, Александр Сергеевич, подлецов — вон сколько, всех не перестрелять. Пером! Пером казнить надо было!

«Вы помните, Вы всё, конечно, помните». А, нет, это уже не Ваше...

Кто написал? Человек был после Вас — Есенин! Он умел красиво.

Нет, не как Вы, что Вы, Александр Сергеевич, это ж, сами понимаете, — серебро.

... Чего же боле, что я могу ещё сказать... Стоп! Что это? Что это прямо сейчас я ощущаю? Дышу глубже. Вдыхаю всеми лёгкими.

Сумасшествие! Откуда? Чей запах я сейчас слышу? Он умопомрачительный! Я дышу. Я... «Я дышу, и, значит, я люблю».

Это...

Это женщина!

Должно быть, она только что пролетела мимо и окатила меня своим ароматом. Была, наверное, в метре от меня и... испарилась.

Мои глаза бегают по людям, как бешеные. Ищут. Тщетно. Вокруг толпа народу. Кто же она?

О, что она за явление! О, Афродита, Венера, Фрея...

Мэрилин? Ты ли это?

О, кто бы ты ни была, вернись. Назови мне себя, Джокон-

да! Не вижу. Не вижу её в этом потоке людей. Упустил. Я не переживу этого.

Александр Сергеевич, очень рад был встрече с Вами. Вынужден Вас огорчить, но я должен бежать, бежать, бежать и найти её. Это нельзя откладывать. Это дело о жизни и смерти. До свидания, Александр Сергеевич!

А теперь бежать! Бежать за шлейфом! Не упустить. Найти это божество. Поймать запах. О, какой аромат! Какая музыка!

Пробежался, и в радиусе ста метров ничего. Я больше его не слышу. Исчезла. Она бросила меня?!

О, Диана, Беатриче, Клеопатра... Медуза Горгона, вернись ко мне!

Да нет, какая ещё Горгона...

Дульсинея, в конце концов.

Я спятил!

Этим своим, клянусь, божественным ароматом она свела меня с ума. Я даже не знаю, как она выглядит и кто она. Не чувствую её больше. Исступление. Я пропал. Потерял, упустил свою Беатриче.

Я не прощу себе этого!
Я никому этого не прощу!
Катастрофа. Я умираю.

Все запуталось. Апокалиптическое запутывание извилин
головного мозга. Жив я ещё или нет? Ужас.

Надо же, как меня шарахнуло. Убийственный аромат. Эти
женщины — ими даже дышать опасно.

Так, ладно, соберись. Я это так не оставлю. Я с этим ещё
не закончил. Ничто не закончено, пока я не победил.

Да, нужен план. Думай. Логику-шмлогику, дедукцию, ин-
дукцию — используй всё что угодно, но найди её.

Итак, если этот запах был, значит, он всё ещё где-то есть.
Верно. Но где?

Неясно. Плохая дедукция.

Хорошо, тогда, раз этот запах был здесь, на этом самом
бульваре, у этого памятника, значит, он может появиться
здесь снова. Логично. Да, вот так лучше. Ждать. Я буду
ждать этот запах. И я дождусь его. Пусть это займёт хоть ты-
сячу лет, хоть миллионы веков. Он вновь появится, и я ни с
чем его не перепутаю.

А время? Время сколько сейчас? Почти девятнадцать. Хо-

рошо. Значит, я должен быть здесь каждый день в это же время и ждать. Да, с восемнадцати до девятнадцати часов. Каждый день. Тысячу лет. И она придёт.

От меня ей уже не уйти.

Я взял след.

Глава 2

Убийца

Четыре дня безуспешных поисков.

Пятая бессонная ночь на крыше.

«И он не сделался поэтом, не умер, не сошёл с ума...» Нет, Александр Сергеевич, не до Вас сейчас.

О, Беатриче... О, Джоконда моя! Где ты?

Я... я не могу спать. И жить не могу.

Я умираю. Я поэт...

Она...

Она убивает меня.

Она — убийца.

Постой, постой, а может, это вовсе и не женщина была? Ведь глаза мои не видели обладателя того аромата. Может, это... Может, это тот Гренуй был?! Этот француз-извращенец, парфюмер. Псих. Я ведь за такие игры и наказать могу. Если это действительно он, накажу жестоко. Хотя этим

своим гениальным сумасшествием он меня забавляет, даже, признаюсь, восхищает.

Да нет, о чём я? Это не мог быть его фокус. Даже этот псих не проведёт мой нос. Это точно была женщина. Запах был на ней. Волшебная штука — запах. Два человека могут надушиться одной и той же эссенцией, но пахнуть они будут по-разному, каждый по-своему. Сколько людей — столько уникальных ароматов. Как отпечатки пальцев, как сетчатки глаз. Почему?

Каждый человек несёт на себе сложный букет запахов. Запах духов, одежды, волос, кожи, жизни вокруг — всё это смешивается в композицию. И к этому всему добавляется запах самой души человека, его внутреннего мира. О, это сложнейшая композиция из десятков запахов, подобно симфоническому оркестру. Звучание оркестра услышать несложно, но различить в нём каждый инструмент — задача непростая, не каждому уху по силам. С запахами такая же картина, только ещё сложнее.

Звук — это волна, движение материи, более сильное. Звуком можно разрушить целый дом.

А запах... Запах — это нечто более тонкое, более сложное, вычурное, волшебное. Сложнейший букет тончайших запахов был на той женщине. Дело совершенно не в «Шане-

ЛЯХ».

Фокус в том, что этот «Шанель» смешался с запахом её тела и души. Вот что попало мне в нос тогда у памятника. И свело с ума. Да. Это музыка.

Теперь вот уже четвёртую ночь я страдаю... Из-за неё.

Эта женщина...

«Дитя, привыкшее играть,
Ты — море странных снов,
И звуков, и огней.
Ты — друг и вечный враг.
Злой дух
И добрый гений».

Она — убийца.

Почему я на крыше?

Это моя временная обитель. Я люблю поближе к звёздам.
Да.

Людям почему-то надо поближе к земле быть. Не понимаю этого. Они вон спят на лавочках или, ещё лучше, прямо на земле валяются. Я ввысь устремляюсь. Ближе к тан-

цующим для меня звёздам. Люди называют это романтикой. Глупцы!

Все эти четыре дня я топтался у памятника, как часовой. Всем своим телом, каждой своей клеткой пытался снова уловить тот волшебный, сумасшедший аромат. Безуспешно.

Но ещё раз говорю: «Не дай бог, это был ты, Гренуй!»

Эта женщина почти убила меня. Да, я почти умер. Но надежда... Надежда моя живет всех живых. Я должен найти её. Или она меня окончательно добьёт. Моя Беатриче...

Завтра будет мой день.

Сириус мои глаза ласкает нежно, серебряным светом своим.

Входи, Морфей, рассказывай.

Глава 3

Мой день

Я на месте. Снова охраняю памятник бессмертному русскому поэту. Ночью я немного поспал. Из-за этой женщины я стал спать раз в четыре дня. Это хорошо или плохо?

Убийца.

Кстати, чтоб найти убийцу, нужно мыслить, как убийца. А убийцы что любят? Правильно. Они любят возвращаться на места своих убийств. Так что я делаю всё правильно. На часах восемнадцать ноль-ноль. Сидеть вот так рядом с Пушкиным, несмотря на мою любовь и почтение к нему, будет неэффективно. Будет резонно расширить, увеличить площадь поиска сигнала. Да, погуляю по бульвару. Правда, с калориями опять проблема. И никто ведь не покормит. Куда это человечество катится?

Остановлюсь, пожалуй, здесь. С этого места хорошо видно весь бульвар, и если убийца появится, то непременно

пройдёт мимо меня. А я буду стоять и дышать во все ноздри. Хитро, а?

Да, так я точно поймаю убийцу. Не ускользнёт. Людей, кстати, сегодня особенно много. Очередной приятный летний вечер. Смотрю, наблюдаю, а девчонок-то целое море. И старые, и молодые, блондинки, брюнетки, с губами, как у рыбы, и без губ. В общем, на любой вкус. Но только не на мой. Меня только убийца интересует. Только о ней все клетки моего тела думают.

Ой-ой, что это?

Дышу! Мой нос снова слышит.

Вдох. Ещё вдох полной грудью.

Да. Я снова слышу тот самый аромат. Моё счастье близко. Но где же? Где Джоконда моя?

Последний раз предупреждаю: не дай бог, это ты, Гренуй!

Появись же! О, заря моего тщеславия! Мой совершенный подарок богов где-то близко. Её божественный аромат овеивает моё естество. Я вхожу в идеальный экстаз. Застыл, не двигаюсь. Кажется, мои глаза видят её стройные ноги.

Дышу.

Поедаю воздух километрами. Не могу насладиться ароматом этого божества на шпильках.

В момент, когда мои превосходные, надо отметить, рецепторы уловили аромат, которым я грезил четыре ночи на крыше, я стоял прямо посреди бульвара, пролегающего вдоль пруда. Прищурив оба глаза, я с предвкушением восторга наблюдаю, как между людьми плавно плывёт божество на восьмисантиметровых шпильках в деловом серо-голубом костюме. Бизнес-богиня легко и непринуждённо движется прямо на меня. Между нами метров пятьдесят.

Дышу ещё глубже.

Главное — спокойствие, да?

Спокойно. Спокойно. Спокойно. Умоляю, будь спокоен. Это я сам себе сейчас. Как мантру.

Да, мой идеальный нос дал безошибочный сигнал мне, что именно этот человек несёт на себе тот самый запах, сводивший меня с ума эти несколько дней. Я же говорил, что найду убийцу.

Эх, Шерлок, дорогой, какая дедукция, какие улики, парень? Свои поиски я веду на совершенно другой высоте. Моё мастерство непостижимо. Моё исключительно талантливое чутьё способно найти любого убийцу. Подчёркиваю, любого — даже того, кто никогда никого не убивал.

Тише, она приближается. Корабль заплывает в бухту. На фарватере спокойно. Лёгкий бриз. Боже, какой шарм, какая

пластика! Венера снизошла ко мне.

Сейчас я стою совершенно непринуждённо, я бы даже сказал, монархически, прямо в центре пешеходного бульвара. Траектория движения божества пролегает прямо мимо меня. Расстояние между нами беспощадно сокращается. Между мной и царицей всех моих будущих наслаждений остаётся всего каких-то пятнадцать шагов. Я уже отчётливо вижу черты её идеально красивого лица и детали одежды.

Вдаваться в подробное описание её внешности не буду. Это секрет. Отмечу лишь главное — её рот.

Рот — тоже секрет, но о нём я не могу промолчать.

Люди, как правило, отмечают глаза, описывают их как главный источник восхищения и признак красоты женского лица. Чушь полнейшая! Рот, я вам скажу, исключительно рот и только рот есть самая привлекательная часть женского лица. Я сейчас не имею в виду каких-либо похотливых, порочных мыслей. Рот вне конкуренции. Форма рта и цвет губ излучают совершенную, эстетическую красоту человеческого лица. Именно красота губ и рта делает женское лицо особенно привлекательным. Рот завораживает, а не глаза.

Разумеется, я имею в виду не тот рот и губы, накачанные кислотами и всевозможными препаратами, что придают лицу глупый, рыбий вид, а натуральный, естественной формы

и красоты. Я отчаянный защитник и искушённый ценитель естественной красоты человеческих губ. Почему? Натуральный рот и губы созданы лучшим, величайшим из мастеров — Богом. А бездарные врачи и псевдоврачи пытаются улучшить уже совершенные формы, используя математический подход и расчёты. Какая глупость! Они никак не поймут, что красота, именно красота, — это не математика, не наука, это искусство. Истинную красоту создаёт не врач, не учёный. Её создаёт художник.

Эх, мои мысли опять уехали в какие-то бесконечные дебри человеческих глупостей. Возвращаюсь. Я возвращаюсь к себе любимому.

Мои глаза-телескопы настроили максимальную резкость и изучают божественной красоты рот, плывущий ко мне. Какая форма, какая нежность, какой цвет у этих губ! *Bella! Bellissimo! Perfetto! Mama mia!*

Я, по-моему, опять спятил. Она опять меня убивает. Сначала своим запахом, а теперь — ртом. Ах!

Я не скажу. Я никому не скажу, что я сейчас вижу. Не выдам ни одной подробности. Да, эта красота будет известна только мне.

Так, всё. Я должен взять себя в руки. Моя Беатриче уже в трёх... четырёх метрах от меня. Сейчас главное — не умереть, не испепелиться, не разложиться на атомы от восхищения, овладевшего мной.

Да, надо выжить.

Сейчас внимание. Венера Арльская вот уже совсем близко и через пару секунд пройдёт мимо меня. Я должен поймать её взгляд своими глазами. Да. Она должна подарить мне свой взгляд. Это инициация. А я своими глазами, глазами-безднами, должен запечатлеть её. Да, запечатлеть. Глаза в глаза.

Сейчас попробую объяснить. Через мои глаза мой образ, дух, моя личность и мой, надо отметить, богатейший внутренний мир должны запечатлеться в её сознании. Так сказать, отпечататься и сохраниться в её памяти. Это важно. Понимаете?

Сейчас бульварный фонарь хорошо освещает её лицо. Моё внимание взвинчено до предела. Её светло-каштановые длинные волосы небрежно спадают на лицо, глаза опущены вниз, размер ноги — тридцать восемь.

Больше я вам ничего о её божественной красоте не скажу.

На правой руке убийцы кольца нет. Да, это хорошая новость.

Есть! Моя Венера наконец поднимает взгляд и, продолжая плыть, почти на три секунды задерживает его на мне. Да, глаза в глаза. И, не сводя своих глаз с меня, она легко и непринуждённо кончиками рта улыбнулась. Эта улыбка была слегка, почти незаметно, грустной. А может, она устала или задумалась о чём-то?

Но вне всяких сомнений, она улыбнулась именно мне.

Кстати, насчёт запечатления, и, как я сказал, отпечатка образа: важно отметить, что взгляд «глаза в глаза» должен длиться не менее двух, даже не менее двух с половиной секунд и не более трёх. Если взгляд, то есть запечатление, длится менее двух с половиной секунд, то это, я называю, пробежкой. Беглый взгляд — и глаза не успевают впитать образ. Получается вскользь. И в таком случае не успевает родиться мысль. Понимаете, о чём я?

То есть глаза увидели другие глаза, встретились, а мозг ничего об этом не подумал. Не успел. Да, именно так. Глаза пробежали, проскользили по другим глазам и ни за что не зацепились. Поэтому в памяти не останется отпечатка.

Если же взгляд будет длиться более трёх секунд, то это... Ну, это вульгарщина. Наглость и беспардонность. Проявление агрессии или чистейшей глупости ума. Или же, в некоторых случаях, это автоматизм, потерянности. Человек выучил глаза, уставился и не понимает, что он видит.

Да, процесс запечатления — штука непростая. Фигура высшего пилотажа.

В моём случае запечатление прошло, разумеется, идеально. Длилось оно как раз между двумя с половиной и тремя секундами. О, это было чудесное мгновение! Я занырнул в счастье, в восхищение, в негу с головой.

Афродита моя, какое у тебя лёгкое, воздушное прикосновение глаз...

Сейчас я уже развернулся на своём месте и смотрю ей вслед. Я завораживаюсь. Цепенею. Этот вид уходящей женщины... Неописуемо это. Мой мозг снова ничего не соображает. Она...

Она — идеальная убийца.

Моё дело сделано. Да.

Сегодня — мой день.

Глава 4

Она.

Ночь. Нас четверо: я, крыша, звёзды и убийца в моей голове. Пятую ночь я в этой компании. Снова не могу спать.

За прошедшие несколько дней я дважды её видел. На том же бульваре, в то же время, на том же месте. Там мой караул. Мой центр величайшего притяжения, мой восхитительный, чудесный горизонт событий. За эти дни я мастерски и с прелестью великой гордостью поймал два её взгляда и две легчайшие, почти незаметные улыбки.

А однажды — это было вчера — она мне подмигнула. Что, интересно, это значит? Что люди имеют в виду, что выражают, когда подмигивают?

Лично я расцениваю это загадочное действие как хороший знак. Это, конечно, ещё не любовь. Я бы назвал это «почтилюбовью». Именно одним словом. Почтилюбовь — это не любовь, но это и не ничто, не пустое место. Почтилюбовь

трудно понять.

Мне и самого себя вот уже пятую ночь трудно понять. Ощущение, будто меня чёрная дыра засасывает. Понимаете? Половина меня тут, на крыше, а другая половина — непонятно где. Бывало такое? Я прекрасно и до бесконечности растянут. Я в двух мирах. В это трудно поверить. Во всё, что я сейчас говорю, мне и самому трудно поверить, но в глубине души я чувствую, что говорю чистую правду.

Запечатление, понимаете, — это невидимая, неосязаемая нить, соединяющая сознания двух субъектов. Это ещё не означает, что если два субъекта связаны этой нитью, то они постоянно думают друг о друге. Нет. Но совершенно точно оба эти сознания сознают друг друга в себе.

Следовательно, я связан с ней и осознаю, что этот конкретный человек в мире существует, и, самое важное, я осознаю, что она занимает место в моём сознании. Получается, она внутри меня, в моём мире и со мной. Имея подобную невидимую связь, мы думаем не о человеке, с которым связаны, а о факте этой связи и, следовательно, ощущаем саму связь.

Да, она запечатлена в моём сознании и сейчас вышибает мне виски. Интересно, запечатлелся ли я в её сознании?

Ощущает ли она эту невидимую связь со мной? Как же я раньше об этом не подумал! Ведь связь должна быть взаимной. Её внимание к себе я обратил, это уж точно.

Честно признаюсь, внешность у меня сейчас не представительная. Голодаю, сплю на крыше — что тут сказать. Да и не герой-любовник я, не лондонский денди, не бизнесмен, не гений. Хотя насчёт последнего готов спорить.

Я хочу сказать: такого, как я, такая, как она, вряд ли запомнит. Хотя нет ни малейшего сомнения, что улыбнулась она в тот день именно мне и никому другому.

Какой у меня план завтра?

Завтра я снова в почётном карауле. Стоит, кстати, отметить повторяющийся маршрут божества на шпильках. Скорее всего, этим путём она возвращается с работы домой. Да, если учесть вечерний час и её деловой стиль, моё предположение верно.

Судя по её внешности и стилю одежды, у неё тонкий вкус. Вещи и украшения на ней явно не куплены на рынке или в иных местах распродажи всякого рода барахла. Она не скупится на свой внешний вид и на самоощущение. Значит, она хорошо зарабатывает. Или, быть может, это всё дорогие по-

дарки богатенького папочки или, ещё хуже, — любовника?

Нет никаких сомнений, что желающих протянуть свои волосатые руки и овладеть её красотой — миллион. И эти обеспеченные приматы пойдут на любые траты, лишь бы выкупить право собственности над её телом.

Неужели эта красота куплена?

О, как это ужасно! Нет, нет и нет. Я отказываюсь в это верить. Не может такого быть. Я ведь всё чувствую. Мой нос меня никогда не подводит. Сначала божественный аромат, а затем и её глаза, и улыбка не привлекли бы меня, если бы эта красота была кому-то продана.

Глаза у неё, кстати, тоже зелёные или почти зелёные. В общем, как у меня, только зеленее. Взгляд её лёгкий, живой, энергичный, но я заметил в нём грустинку. Не грусть, а именно грустинку. Знаете, когда рот улыбается, а глаза — нет.

Не каждый глаз способен уловить подобное явление в чьи-то глазах. Но от меня ничто не скроется.

Этот эффект появляется в глазах человека от усталости. Не то чтобы иссякла энергия, или был тяжёлый день, или плохой сон. А бывает такая усталость, когда в жизни челове-

ка что-то сильно осточертело и ноет, ноет откуда-то из глубины, со дна. Человек ощущает душевную боль. Не острую, а тупую, ноющую. Подобную боль человек может испытывать годами, и наступает отчаяние от того, что он понимает: эта боль никогда не уйдёт. От неё никуда не деться. Эта боль — навсегда.

С подобной болью в душе, с этой усталостью человек может жить сотню лет. Жить, радоваться, от души смеяться, дарить подарки, отмечать дни рождения. Но каждый месяц, каждую неделю, каждый день она всплывает из глубины и даёт о себе знать, напоминает о вечной проблеме, об источнике боли в душе.

Вот что, в силу своих выдающихся способностей, я заметил в её глазах.

Интересно, что это? Чего ей не хватает в жизни? Что уже долгое время она никак не может получить или избавиться?

Честно говоря, она похожа на человека, у которого есть всё. Ну, кроме меня, разумеется.

Или, по крайней мере, она похожа на человека, который может, если захочет, получить всё, что угодно. Все сокровища мира — у её божественных ног, все силы мира преклонят

колени перед ней, если она этого захочет.

Тоже такое бывало?

Но тут что-то не так. Чего-то я пока ещё не знаю об этой женщине.

Я хочу разгадать эту загадку. Я хочу знать о ней всё.

Она станет, она должна стать моей ценностью. Самой ценной ценностью в моей коллекции.

Сириус, мой верный друг, хранитель сокровенных тайн моих, снова нежно трогает глаза мои и лепечет. А вон Большая Медведица танцует вальс.

«Тихо, как в раю, звёзды высоки и яркие, я себе пою».

Я себе пою, я себе пою...

Глава 5

Мистер Блэк.

Московское время — восемнадцать часов, и я прекрасен.

Морфей, надо отдать ему должное, отработал этой ночью на совесть, и я спал как лялечка. Ох, и настроение у меня сейчас! Чертовски хочется пошалить, натворить чего-нибудь такого, чем в будущем гордиться буду.

Я на Пушкинской площади. Александр Сергеевич всё в той же позе стоит на том же месте. Какие-то варвары цепями его огородили. Пойду, пожалуй, побеседую с поэтом. Время у меня есть. Убийца не ускользнёт. Скоро она появится где-то здесь, как и прежде. Моя душа сейчас говорить желает. Хочу расплескать своё блестящее остроумие и харизму.

— Снова здравствуйте, мой дорогой Александр Сергеевич... Ой-ей! Дышу!

Нос, я люблю тебя. Он слышит сигнал, да и какой чистый! Она где-то совсем рядом...

Мои глаза неожиданно поймали взгляд Джоконды на себе. Каким-то чудесным образом она оказалась всего в нескольких шагах от меня и с кем-то весело и непринуждённо разговаривает. Её собеседник тоже женского рода и на каблуках. Видимо, подруга.

О, я слышу голос моего божества. Музыка. Пятая симфония для моих ушей. Спасибо, я снова умираю.

Заметив убийцу, я неосознанно замер, как статуя. Застыл. Я превратился... Не знаю, во что я превратился. Глаза смотрят, но ничего не видят, словно в тумане. Я зачарован. Я забыл дышать.

В этот момент голос подруги выводит меня из летаргического сна:

— Кать, смотри, какой хорошенький! — показала на меня пальцем. — Надо же, как он на тебя смотрит, как сумасшедший.

— Да, это мой старый приятель, — божество одарило меня улыбкой.

— Ты его встречала раньше? — удивилась подруга.

— Несколько раз. На этом самом бульваре он каждый вечер встречает меня.

К этому моменту я уже окончательно вышел из сомнамбулы и начал осознавать происходящее. Вернулась способность моргать. Хлопаю океаническими глазами и взгляда с Кати не свожу. Да, значит, мою убийцу зовут Катя. Что ж, приятно познакомиться, Катя, — говорю про себя.

В этот момент мои глаза замечают, как подруга Кати опускается почти на корточки, протягивает правую руку и произносит:

— Кс-кс-кс-кс...

Я смотрю на неё. Дура, что ли?

Не получив от меня никакой реакции, она поднимается и говорит:

— Не-а, не хочет подходить. Гордый. Прямо как ты, Кать.

Услышав плоскую шутку подруги, Катя лёгкой, непринуждённой походкой направилась прямо ко мне. Я, в свою очередь, наблюдая, как моя убийца приближается, где-то в глубине души перекрестился и мысленно положил себя в гроб. Ибо отчётливо понимал: такой близости с божеством я могу не выдержать — и жить мне осталось считанные секунды.

Катя на своих шпильках подходит ко мне, опускается на корточки, протягивает руку и нежно чешет меня за ухом. Я не шевелюсь и закатываю глаза от счастья. Затем подходит подруга, и они вместе продолжают меня тискать и гладить. Честно признаюсь: рука подруги мне совсем не понравилась. Какая-то она не королевская. Но я всё же сидел смиренно и не сводил с Кати глаз.

— Чернющий какой и пушистый, — подруга погладила меня по спине, — персидский кот, видимо, или турецкий.

— Да, похож на турецкую ангору, — с уверенностью зна-тока кошачьих мастей согласилась Катя.

Что они несут? Какая ангора?

— Только вот почему-то глаза у него зелёные, — Катя продолжала бороздить мою длинную, мягкую, как шёлк, чёрную шерсть своими нежными пальцами.

— Ага, — согласилась подруга, — а на морде белое пятно.

Так, курица, я вот вынужден подумать грубо, ибо ты окатила меня неподходящим словечком. Во-первых, не морда, а лицо. Во-вторых, заканчивай гладить меня своей мещанской рукой.

— Кать, может, возьмёшь его? Будет жить у тебя. Классный же кот, — предложила подруга.

— Нет, — улыбнулась Катя моей любимой улыбкой, — кот прикольный, что-то в нём есть такое. Но не могу, у меня совсем нет времени ухаживать за домашним питомцем.

Слушаю и думаю про себя: «Что-то во мне есть такое... Детка, да во мне целая вселенная, и, кстати, прекраснейшая из них. И никакой я не питомец, а выдающаяся личность, между прочим».

— Кать, да хватит уже вредничать, — снова подруга. — Живёшь одна, ни семьи, ни мужчины. Заведи себе хотя бы кота, будет встречать тебя с работы. Купишь ему кошачий лоток, «Вискас» и миску для еды — вот тебе и весь уход.

Какой такой «Вискас»? Она в своём уме? Меня переполняет возмущение. И в момент моего крайнего раздражения подруга, протянув обе руки, попыталась меня приподнять. Я, разумеется, на это её беспардонное действие оскалился, зашипел. Почти как лев. Она перепугалась и передумала.

— Похоже, я ему не нравлюсь, — заявила она, — а вот с тебя он глаз не сводит. Дикий какой-то. Слишком строптивый и невоспитанный кот. Ладно, пойдём по домам?

Выслушав возмущение перепуганной подруги, Катя улыбнулась и спокойно, без каких-либо опасений взяла меня на

руки. Как только я попал к ней на руки, у меня началось помутнение, затуманивание рассудка. Я стал забывать, кто я и откуда. Стали мерещиться молочные реки, а с неба — манна сладкая хлопьями. Думаю, наконец-то я в раю. Блаженству моему нет предела, я опять умер. Убит у неё на руках. Катя улыбается.

— Видишь, Кать, я же говорила, ты ему нравишься. Со-мневаюсь, что на этой земле есть хоть одно живое существо, которому бы ты не понравилась.

— Ну что ж, думаю, это хорошая идея, — заявила Катя, разглядывая меня с улыбкой. — Кот действительно какой-то необычный. Мне он нравится, уверена, мы подружимся. Может, он и есть любовь всей моей жизни, — рассмеялась Катя, и мы втроём стали двигаться по Тверскому бульвару. Моему счастью не было предела. Сидя на Катиных руках, я тонул в неге. Так и жил бы тысячу лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.